
ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ
И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

**Э. ФРОММ: ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА
И ГЕРМАНСКИЙ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ**

© 2022 г. В. Н. Жуков

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;
Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва*

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Поступила в редакцию 08.08.2022 г.

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды Э. Фромма на германский национал-социализм. Фромм утверждает, что германский фашизм имеет своим истоком западноевропейский индивидуализм и протестантизм. Сама логика развития западноевропейской культуры привела к возникновению национал-социализма. Носителем идеологии национал-социализма стал нижний слой среднего класса, где сформировался особый социальный характер — садомазохизм, обусловивший бегство от свободы и стремление к слепому подчинению. Фромм показывает связь между социальным садомазохизмом и протестантской культурой в форме учений Лютера и Кальвина. Даются сделанные Фроммом психоаналитические портреты Гитлера и Гиммлера.

Ключевые слова: психоанализ, Фромм, фашизм, национал-социализм, диктатура, тоталитаризм.

Цитирование: Жуков В.Н. Э. Фромм: европейская культура и германский национал-социализм // Государство и право. 2022. № 9. С. 105–121.

DOI: 10.31857/S102694520022226-9

**E. FROMM: EUROPEAN CULTURE
AND GERMAN NATIONAL SOCIALISM**

© 2022 V. N. Zhukov

*Lomonosov Moscow State University;
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Received 08.08.2022

Abstract. The article examines E. Fromm's views on German National Socialism. Fromm argues that German fascism has its origin in Western European individualism and Protestantism. The very logic of the development of Western European culture led to the emergence of National Socialism. The bearer of the ideology of national socialism was the lower stratum of the middle class, where a special social character was formed — sadomasochism, which caused the flight from freedom and the desire for blind submission. Fromm shows the connection between social sadomasochism and Protestant culture in the form of the teachings of Luther and Calvin. The psycho-analytical portraits of Hitler and Himmler made by Fromm are given.

Key words: psychoanalysis, Fromm, fascism, national socialism, dictatorship, totalitarianism.

For citation: Zhukov, V.N. (2022). E. Fromm: European culture and German National Socialism // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 105–121.

Немцы и война. Германский национал-социализм — факт личной биографии Э. Фромма. Он родился в Германии в 1900 г. в еврейской семье, воспитывался в духе ортодоксального иудаизма (по линии отца и матери его предками были раввины), а потому был органически несовместим с нацистским режимом. Приход к власти нацистов заставил Фромма, тогда уже зрелого исследователя, эмигрировать сначала в Швейцарию (1933 г.), затем в США (с 1934 г. — сотрудник Колумбийского университета в Нью-Йорке). Можно утверждать, что Фромм воспринимал немецкий нацизм как личного врага, что вполне понятно, учитывая проводимую Третьим рейхом политику геноцида в отношении евреев. До конца жизни он оставался крайне настороженным к немцам, Германии и самой немецкой культуре. Даже в 60-х годах, когда одна часть Германии была элементом системы «реального социализма», а другая прочно встроена в демократический Запад, Фромм высказывал мысли, полные вражды и недоверия к Германии. Потерпев поражение во Второй мировой войне, рассуждал он, Германия за чуть более 15 лет восстановила свою экономическую мощь. Она заявила об отказе вернуть свои утраченные территории, хотя и не отказывается от претензий на них. На новую «демократическую» Германию с опаской смотрят СССР и некоторые западные страны. «Это объясняется тем, что Германия дважды нападала на своих соседей и дважды заново вооружалась, несмотря на поражения; генералы “новой” Германии — те же самые, что служили Гитлеру, и поневоле приходится ожидать, что эта страна может предпринять третью попытку, на этот раз напав на Советский Союз, чтобы вернуть себе утраченные земли»¹. Лидеры стран НАТО и общественное мнение стран Запада считают подобные подозрения неоправданными и даже фантастическими, но на самом деле существо Германии не изменилось. «Потерпев поражение, Германия воспользовалась мифом о том, будто вторая мировая война была войной против нацистской диктатуры, и, избавившись от наиболее явных и широко известных нацистских лидеров (уплатив значительные суммы в качестве репараций евреям и израильскому правительству), продемонстрировала, таким образом, что новая Германия абсолютно отлична от кайзеровской и от гитлеровской. Подлинная же ее основа не изменилась. Сегодня промышленность Германии столь же сильна, как и перед второй мировой войной, хотя территория ее значительно сократилась. Военная каста Германии осталась той же самой, хотя юнкерство и утратило свои экономические позиции в Восточной Пруссии. Силы германского экспансионизма, существовавшие в 1914 г. и в 1939 г., остались прежними, но на сей раз они обладают мощным эмоциональным зарядом: шумными требованиями возратить “отторгнутые”

земли. Германские лидеры кое-чему научились: на сей раз они начинают с того, что заключают союз с Соединенными Штатами, чтобы сильнейшая западная держава не стала их потенциальным противником. На этот раз они присоединились к западноевропейскому сообществу, имея хорошие шансы на то, чтобы стать в новой федеративной Европе ведущей державой, сильнейшей в экономическом и военном отношениях. Новая Европа во главе с Германией будет столь же экспансионистской, как и старая Германия; в своем стремлении вернуть прежние германские территории она будет даже еще большей угрозой миру. При этом я не имею в виду, будто Германия хочет войны, особенно термоядерной. Я хочу сказать, что новая Германия надеется достичь своих целей без войны, одной лишь угрозой однажды достигнутой превосходящей силы. Однако подобный расчет наиболее вероятно приведет к войне, поскольку Советский Союз, как и Великобритания и Франция в 1914 г. и в 1939 г., не будет безучастно взирать на то, что Германия становится все сильнее и сильнее»².

Рассуждая в таких тонах о Германии, Фромм обращается не к государственным и политическим институтам послевоенной Западной Германии, которые представляются ему случайными и несущественными, а к их эпицентру — немецкой нации, ее психологии и культуре. Такая позиция весьма характерна для социального психолога, а тем более представителя психоанализа, имеющего дело с бессознательными процессами. Для Фромма источник нацизма — отнюдь не фашиствующие немецкие политиканы, которые, как считают многие, благодаря изощренной демагогии подчинили себе немцев, а сама немецкая нация, ее культурный код, складывавшийся веками и породивший в XX в. Третий рейх. Сами немцы, народные массы (одни слои в большей мере, другие — в меньшей) породили Гитлера и его систему. Здесь Фромм открыто порывает с идеологией эпохи Просвещения, согласно которой войны развязывают не народы, а государства, человек — не воплощение зла, а разумное существо, деятельность которого определяется его интересами и способностью поступать в соответствии с ними. Согласно Фромму, первые века капитализма вроде бы доказывали данный тезис, но появление фашизма заставило в нем усомниться. Фашизм продемонстрировал predisposition человека ко злу, отсутствие внешней рациональной мотивации к борьбе за власть и попрание прав человека. В благожелательном XIX столетии только Ницше и Маркс указали на иррациональную природу зла, в начале XX в. эту линию продолжил Фрейд. Хотя Фрейд и его ученики имели наивное представление об общественных процессах, они, тем не менее, указав на

¹ Фромм Э. Из плена иллюзий // Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 305.

² Там же. С. 306.

бессознательное как на источник социального зла, совершили тем самым подлинный переворот в науке³. Фашизм, по утверждению Фромма, есть феномен главным образом психический, вырастающий не столько из интересов различных социальных групп, сколько благодаря иррациональным силам психики. Фромм не оперирует категорией коллективного бессознательного (хотя с работами Юнга, конечно, был знаком), но существо дела понимает примерно также: бессознательное нации — феномен крайне консервативный, не подконтрольный сознанию и способный активно, часто весьма деструктивно, воздействовать на поведение больших масс людей. Подобно Юнгу, Фромм не доверяет немецкой нации, поскольку ее психология имеет тяжелую наследственность, преодолеть которую немцы, с его точки зрения, вряд ли смогут, а вот ждать от них новой агрессии, полагает он, очень даже возможно. Согласно логике Фромма, победа над нацистской Германией не означала изменение немецкой нации; немцы остались прежними, они только приспособились к новым обстоятельствам, чтобы дожидаться удобного случая и взять реванш. Фактически Фромм ставит вопрос не просто об ответственности немецкой нации, но о презумпции ее вины в будущем. Иными словами, немцы, по Фромму, неисправимы, а потому в отношении Германии всегда должен быть известный уровень скепсиса и недоверия. Юнг, следует отметить, в деле коллективной ответственности пошел много дальше, указав на «пещерную психологию» любой нации, а не только немецкой. Любая нация, утверждал он, в своем существе живет инстинктами и грубым эгоизмом; политики, государственная власть в принципе не способны подняться выше эгоистических устремлений широких народных масс. В этом смысле политику (внешнюю и внутреннюю) следует рассматривать как рационализацию инстинктов нации⁴.

Индивидуализм и протестантизм — путь к фашизму. Фромм, пытаясь отыскать источник германского национал-социализма, находит его в самом ядре западноевропейской культуры — индивидуализме и его естественном следствии — протестантизме. Классики западноевропейского либерализма (Б. Констан, И. Бенгтам, А. де Токвиль, Ф. Гизо) справедливо усматривали в индивидуализме стержень европейской демократии и культуры. Идея прав человека, народное представительство, институт частной собственности, рыночная экономика, свобода совести и разделение светской и церковной властей, политический и идеологический

плюрализм — все это следствие индивидуализма, т.е. такой мировоззренческой позиции, согласно которой индивид, его благо и интересы признаются ценностью, требующей защиты и гарантий со стороны общества и государства. М. Вебер, желая доказать превосходство протестантизма над католичеством и православием, даже написал книгу «Протестантская этика и дух капитализма», где проводил мысль, что именно протестантизму Запад обязан взлетом производительности труда и созданием рыночной экономики. В политико-публицистической литературе либерального толка (на Западе и в России) красной нитью проходит идея огромной значимости Реформации для становления режима законности, демократии и соблюдения прав человека. Среди отечественных авторов было и есть немало сетующих (начиная с П.Я. Чаадаева) на тот факт, что в России не было своей Реформации, которая пробудила бы индивидуалистическое сознание у русского народа. Э. Фромм, напротив, попытался доказать обратное, а именно пагубность индивидуализма и протестантизма для западных европейцев. Классик психоанализа переходит от относительно локальной темы германского национал-социализма к широким обобщениям, касающимся всей западноевропейской культуры и ее протестантского ядра. Здесь следует вспомнить, что как раз протестанты-пуритане (английские кальвинисты) внесли основной вклад в создание государственности США. Фромм, критикуя западноевропейскую культуру, меньше всего имел в виду США — страну, которая предоставила ему убежище от нацистского преследования. Видимо, желая доказать свою благонамеренность в отношении новой родины, он заявлял, что США внесли основной вклад в разгром Германии в обеих мировых войнах⁵ (это лживое утверждение объясняется также его враждебностью к советскому строю и тем фактом, что СССР был главным военным противником США, времена маккартизма со всеобщим страхом показаться коммунистом он хорошо помнил). Однако помимо его воли сказанное им о протестантской культуре объективно проецировалось и на США. Иными словами, протестантизм и индивидуализм, по Фромму, создали патогенную культурную среду, порождающую агрессию, фашизм и войну. Германский национал-социализм, делает он вывод, есть только частный случай общей социально-политической патологии стран Запада. Если продолжать логику его мысли, то борьба англо-американских союзников с нацистской Германией выглядит случайным эпизодом, на самом деле и США, и Великобритания — такие же агрессоры, готовые к захватнической войне и провоцирующие ее.

³ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1989. С. 16–18.

⁴ См.: Три интервью К.Г. Юнга (1933, 1938, 1945) // Одайник В. Психология политики. Политические и социальные взгляды К.Г. Юнга. СПб., 1996. С. 361.

⁵ См.: Фромм Э. Из плена иллюзий. С. 305.

Согласно Фромму, западноевропейский индивидуализм и его важнейшая ипостась в форме свободы возникают во времена Возрождения и Реформации. Средневековое общество, рассуждает он, характерно отсутствием личной свободы. Индивидуализм был в зачаточном состоянии и проявлялся лишь в рамках жесткой социальной стратификации. Человек пребывал в своей нише и накрепко был с нею связан, почти не имея возможности переместиться в другой класс. Поведение людей во всех сферах жизни детально регламентировалось. Хотя человек не был свободен в современном смысле, он не был ни одинок, ни изолирован. Его жизнь была наполнена смыслом, но он не был просто индивидом, свободно выбирающим свои занятия, его личность отождествлялась с его социальной ролью (крестьянином, ремесленником, рыцарем и т.д.). Социальный строй рассматривался как неизменный естественный порядок, принадлежа к которому человек ощущал уверенность. Сословие предоставляло его членам известные материальные гарантии, что накладывало на них соответствующие обязательства. Чувство стабильности поддерживала и церковь, облегчая страдания людей и обещая им рай после смерти. Таким образом, средневековое общество давало человеку ощущение уверенности, но одновременно держало его в оковах. Вместе с тем нельзя утверждать, что индивид был лишен свободы, как при авторитаризме, поскольку такого индивида еще не существовало⁶. «Человек был связан с миром первичными узами; он видел себя лишь через призму своей общественной роли (которая была в то же время и его естественной ролью), а не в качестве индивидуальной личности. Точно так же и любой другой человек не воспринимался как “индивид”»⁷.

Результатом разрушения структуры средневекового общества, по Фромму, стало появление индивида в современном смысле этого слова. Раньше всего это произошло в Италии. Возрождение было культурой богатого и сильного класса (аристократов и бюргеров), простой народ превратился в безликую массу, потерявшую уверенность своего положения. Вместе с индивидуализмом появился новый деспотизм, т.е. свобода и тирания, индивидуализм и анархия тесно переплелись. Представители правящего класса стали более свободны и одновременно более одиноки, их охватил страстный эгоцентризм, ненасытная жажда богатства и власти, что вело к утрате у них чувства безопасности. У них появилось страстное стремление к славе, которое должно было как-то избавить человека от

сомнений. Данная метаморфоза нашла свое отражение в сочинениях гуманистов⁸.

Хотя идеи Возрождения и оказали определенное влияние на формирование индивидуализма, его главными причинами, утверждает Фромм, стали развитие капитализма и Реформация. Капиталистическое хозяйство выросло в среде городского среднего класса, Реформация стала религией главным образом крестьянства и низших слоев горожан. В результате развития капитализма «не существовало больше определенного места в экономической структуре, которое могло бы считаться естественным и бесспорным. Индивид стал одиноким; все теперь зависело не от гарантий его традиционного статуса, а от его собственных усилий»⁹. Капитал и рынок обернулись для человека мощными угрожающими силами, окружающие его собраты превратились в конкурентов, от которых исходит отчуждение и враждебность, а сам индивид, став свободным, обрел чувство одиночества, своей ничтожности и беспомощности¹⁰. Помимо свободы Реформация несла с собой идею порочности, беспомощности и ничтожества человека, требующих его подчинения внешней силе. Процесс обособления индивида достиг своей высшей точки в XX в., когда диспропорция между свободой от каких-либо связей и ограниченными возможностями для позитивной реализации свободы привела европейцев к паническому бегству от свободы, стремлению обрести новые узы. Идея ничтожности личности, ее принципиальной неспособности полагаться на себя стала главной в идеологии Гитлера, а бегство от свободы заставило немцев ему подчиниться¹¹.

Лютеранство и кальвинизм, согласно Фромму, были религии не богатого высшего класса, а средних горожан, городской бедноты и крестьянства. Данные религии выражали чувство свободы и одновременно неуверенности и тревоги, которыми были охвачены низшие классы, но эти же религии помогали бороться с тревогами.

Фромм детально разбирает психологические истоки религиозности одного из основоположников протестантизма Лютера, который, как он полагает, обладал типичным авторитарным характером. «Воспитанный чрезвычайно суровым отцом, не испытывавший в детстве ни любви, ни чувств уверенности, он всю жизнь проявлял двойственное отношение к власти: ненавидел ее, восставал против нее, но в то же время восхищался ею и стремился ей подчиниться... Он был преисполнен чувствами одиночества, бессилия, озлобленности

⁶ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. С. 44, 45.

⁷ Там же. С. 45.

⁸ См.: там же. С. 47–51.

⁹ Там же. С. 59.

¹⁰ См.: там же. С. 62.

¹¹ См.: там же. С. 40, 41.

и в то же время жаждал повелевать... Он ненавидел других, особенно “чернь”, ненавидел себя, ненавидел жизнь, и на этой ненависти выросло страстное и отчаянное стремление быть любимым. Вся его жизнь прошла в непрерывных сомнениях, во внутренней изоляции; на этой личной почве он и смог стать глашатаем тех социальных групп, которые находились в таком же психологическом состоянии»¹². Отношение Лютера к Богу — это отношение подчинения, основанное на ощущении бессилия. На уровне сознания он рассуждает о своей покорности и любви к Богу, на самом деле его переполняют чувства бессилия и злобы, трансформирующиеся в подчинение к нему. Точно также мазохистская зависимость одного человека от другого часто маскируется в сознании как «любовь». В этом смысле нет противоречия между тем, что Лютер говорит, и тем, что есть в его подсознании¹³.

Практика индульгенций, по Фромму, стала отражением возникавшего капитализма: она подчеркивала роль денег и сделки как юридического акта, говорила о появившемся духе коммерции. В сочинениях отцов католической церкви позднего средневековья рефреном звучит мысль о стремлении к богоподобию человека, грех рассматривается не как тяжелое, принижающее человека бремя, а как человеческая слабость, требующая уважения к грешнику. Средневековая церковь подчеркивала достоинство человека, свободу его воли, ценность его усилий, его право быть уверенным в любви к Богу. Эта тенденция отражала экономический успех крупной буржуазии, ее уверенность в завтрашнем дне. Учение Лютера, напротив, отражало неуверенность городских низов и крестьянства перед растущим капитализмом и классом буржуа, рождало в них чувство беспомощности и ничтожности. В отличие от католичества протестантизм Лютера акцентировал внимание на двух взаимосвязанных вещах: апологетике свободы (что стало одним из источников политической и духовной свободы) и вытекающего из нее чувства изоляции и бессилия¹⁴.

По Лютеру, развивает Фромм свою мысль, зло присуще природе человека и направляет его волю; человек не способен совершить что-либо доброе, исходя из собственной природы. Признание человеком своей низменности и беспомощности является одним из главных условий ниспослания ему Божьей благодати. В этом смысле переход Лютера от сомнения к уверенности причинно обусловлен. Сомнения Лютера иррациональны и вытекают из его чувства изоляции, беспомощности и тревоги. Эти сомнения могут быть устранены, если

индивид почувствует себя частью осмысленного мира. С Лютером и с классом, который он представлял, этого не произошло, сомнения были не устранены, а подавлены. «Страстное стремление к уверенности, какое мы находим у Лютера, отражает не искреннюю веру, а необходимость подавить невыносимое сомнение»¹⁵. Решение Лютера — это решение очень многих людей, которое достигается отказом от своей изолированной личности и превращением себя в орудие могущественной внешней силы. Лютеру не удалось полностью подавить свои сомнения, что требовало все новых проявлений своей покорности. Сомнение, подытоживает Фромм, было и продолжает оставаться одной из основных проблем человека, оно — исходная точка современной философии и науки. Если рациональные сомнения могут быть устранены рациональными аргументами, то иррациональные сомнения либо подавляются и загоняются внутрь, либо устраняются при переходе от негативной свободы к позитивной. Полное устранение сомнений лежит не на пути подчинения вождю, принимающего ответственность на себя, но благодаря преодолению изоляции и обретению нового смысла своего существования¹⁶.

«Вера» Лютера состояла в убеждении, что любовь дается ценой отказа от собственной воли: это решение имеет много общего с принципом полного подчинения индивида государству или вождю»¹⁷. Лютер требовал непреклонного подчинения светской власти (князьям), что было связано с его религиозными взглядами. Заставляя индивида почувствовать свое ничтожество, он лишал его чувства собственного достоинства, без чего невозможно сопротивление угнетающей власти. Кроме того, протестантизм, лишив человека чувства собственного достоинства, подготовил его стать орудием внешней силы — капиталистического хозяйства. Лютер своей доктриной человеческой ничтожности прокладывал путь повиновению властям и подчинению своей жизни целям экономического успеха. «В наши дни эта тенденция приняла крайнюю форму в фашистской доктрине, объявляющей, что целью жизни является ее принесение в жертву “высшей” силе: вождю или расовому обществу»¹⁸.

Учение Кальвина, утверждает Фромм, также основано на бессилии человека. Только унижившись, по Кальвину, можно рассчитывать на всемогущество Божие. Человек не должен считать себя хозяином своей судьбы. Проповедь Кальвина также была адресована среднему классу (ремесленники

¹² Фромм Э. Бегство от свободы. С. 65.

¹³ См.: там же. С. 66.

¹⁴ См.: там же. С. 68–71.

¹⁵ Там же. С. 73.

¹⁶ См.: там же. С. 71, 73, 74.

¹⁷ Там же. С. 76.

¹⁸ Там же. С. 78.

и мелкие предприниматели), охваченному чувством одиночества и страха. Разработанная им доктрина предопределенности имеет двоякий психологический смысл: с одной стороны, она выражает чувство беспомощности и ничтожности индивида, поскольку тот не может никак повлиять на свою судьбу, с другой — призвана заглушить иррациональные сомнения. Казалось бы, доктрина предопределения дает непоколебимую уверенность, поскольку, во-первых, Кальвин и его последователи были убеждены в своей избранности, и, во-вторых, поведение человека никак не влияет на его спасение. Однако сомнение остается, кроме того, ригоризм теории предопределения требует более глубокого, чем в учении Лютера, подавления сомнения, что, в свою очередь, рождает необходимость еще более фанатичной веры, чтобы это остающееся сомнение подавить¹⁹. Кальвинистская идея прирожденного неравенства (деление на тех, кто спасется, и тех, кто спастись не сможет) была впоследствии взята на вооружение нацизмом. Отрицание равенства обосновывает невозможность солидарности между людьми и общности человеческой судьбы. «Кальвинисты наивно полагали, что они — избранные, а все остальные прокляты богом. Очевидно, что в этом убеждении проявляется психологическая подоплека: презрение и ненависть к людям, та самая ненависть, которую они приписали богу»²⁰.

Отличительная черта кальвинизма, полагает Фромм, — утверждение важности моральных усилий и добродетельной жизни. Человек хоть и не может изменить свою судьбу, но сам факт его усилий, по Кальвину, является знаком его принадлежности к спасенным. Успехи этих усилий (моральных и экономических) являются знаком спасения. На первый взгляд такой подход противоречит идее предопределения и вытекающего из нее отказа от любых усилий, но на самом деле это не так. Чувство бессилия и тревога за свою участь после смерти создают гнетущее настроение, от которого индивид стремится как-то избавиться. В качестве эффективного средства кальвинизм предлагает интенсивную деятельность, которая, с его точки зрения, только и способна побороть тревогу. В данном случае деятельность имеет целью не достижение какого-то результата, а выяснение будущего. Таким образом, активная деятельность приобрела иррациональный характер, она продиктована не попыткой изменить свою судьбу и стать избранным к спасению, а способом побороть свои сомнения, прояснить свое будущее и получить знак богоизбранности. Отношение к труду, ставшего самоцелью, — важнейший психологический сдвиг, произошедший у европейцев с конца

средневековья. В Средние века не было стимула работать больше, чем необходимо для поддержания привычного жизненного уровня. Трудились в основном под давлением обстоятельств. В Новое время люди начинают трудиться в силу внутренней потребности, что стало одним из условий развития капитализма²¹.

Лютер и Кальвин, убежден Фромм, будучи сами величайшими человеконенавистниками среди религиозных деятелей, воплотили в своих учениях всепоглощающую враждебность. Враждебность, подозрительность и завистливость — характерные черты среднего класса, начиная с эпохи Реформации и до Гитлера. Ярче всего враждебность проявилась в учении Кальвина, создавшего образ бога-деспота, разделившего без видимых причин людей на две неравные категории. Образ бога-деспота, которому нужна безграничная власть над людьми, их покорность и уничтожение, есть проекция враждебности самого Кальвина и представляемого им среднего класса. Враждебность обращается индивидом и на самого себя. Смирность, уничтожение и самообвинение, демонстрируемое протестантом, есть агрессия, направленная на самого себя и маскируемая под вид совести и чувства долга. За показной скромностью протестанта скрывается презрение к людям, а за любовью и милосердием — чувство собственного превосходства. Чувство собственного превосходства — это компенсация за самоистязание, за показную скромность и самоограничение во всем²².

В протестантстве нашли свое выражение «чувства собственной ничтожности и негодования; протестантство разрушило веру в безусловную любовь бога; оно учило человека презрению и недоверию к себе и другим; оно превратило человека из цели в средство; оно капитулировало перед светской властью, отказавшись от идеи, что существующая власть не должна противоречить принципам морали, и оправдывая любую власть самим фактом ее существования. Таким образом, протестантство отказалось от основополагающих элементов иудео-христианской традиции. Его доктрины изображали человека, бога и мир так, что новые чувства бессилия и ничтожества казались естественными, создавалось впечатление, будто эти чувства происходят из неизменных качеств человека, будто он должен испытывать эти чувства... Протестантство явилось ответом на духовные запросы испуганного, оторванного от своих корней, изолированного индивида, которому необходимо было сориентироваться в новом мире и найти в нем свое место»²³. «Новые человеческие качества: стремление к труду, страсть

¹⁹ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. С. 78–82.

²⁰ Там же. С. 83.

²¹ См.: там же. С. 83–86.

²² См.: там же. С. 87–90.

²³ Там же. С. 92.

к бережливости, готовность превратить свою жизнь в орудие для достижения целей какой-то внешней силы, аскетизм и всеподчиняющее чувство долга — все эти качества являли собой такие черты характера, которые стали в капиталистическом обществе производительными силами»²⁴. Социальный процесс, заключает Фромм, формирует социальный характер, определяющий психологию и взгляды индивида. Социальный характер, в свою очередь, формирует религиозные философские, политические учения, которые обосновывают и усиливают этот характер, что и превращает его в производительную силу нового экономического строя²⁵.

Двойственность свободы. Категория свободы в западноевропейской философской и политико-правовой мысли — одна из ключевых и часто используемых. В античности категория свободы лежала в основании иерархической структуры общества, которое делилось на свободных и рабов. Сократ, Платон, Аристотель, Цицерон многое сделали для понимания политической свободы. Иудео-христианская традиция наполняет категорию свободы личностным содержанием: человек объявлялся свободным в своем выборе между Богом и дьяволом, на него самого возлагалась ответственность за отпадение от Бога и воссоединение с Богом. В эпоху буржуазных революций и раннего капитализма начинают различать свободу личную и политическую (Б. Констан). Гегель объявляет свободу целью и критерием прогресса. В XIX в. свобода заявляется целью основных политических движений: либерализма, социализма, анархизма. В первой трети XX в. свобода становится знаменем фашистских и коммунистических диктатур. К исходу XX столетия категория свободы превращается в стандартное средство политической манипуляции и демагогии, в разменную монету в политической борьбе, содержание свободы неимоверно раздувается за счет включения в нее самых разнообразных и диаметрально противоположных положений.

Все это следует иметь в виду, рассматривая категорию свободы в учении Фромма. Его представление о свободе эклектично, соединяет в себе либеральную и марксистскую трактовки, дающиеся в рамках психоанализа. Он различает свободу личную и политическую, негативную и позитивную. По своим политическим убеждениям Фромм — либеральный демократ, выступающий за традиционный для Запада набор прав и свобод человека. Он высоко ценит капитализм за его реализацию идеи свободы: новая история Европы и Америки, с его точки зрения, — это борьба за свободу в политической, экономической и духовной сферах. Во

имя свободы «погибло много борцов, убежденных в том, что лучше умереть за свободу, чем жить без нее. Такая гибель была наивысшим утверждением их личности»²⁶. Очевидно, что данные рассуждения носят в высшей степени абстрактный характер, так как буржуазия боролась не просто за свободу, а за свои интересы, суть которых сводилась к установлению режима политической и экономической свободы для получения наибольшей прибыли. Согласно логике Фромма, в эпоху буржуазных революций и раннего капитализма преобладала негативная свобода, свобода от религиозного и политического гнета. В XIX, и особенно в XX в., встала задача реализовать позитивную свободу, в трактовке которой Фромм идет от раннего Маркса (главным образом от его работы «Экономическо-философские рукописи 1844 г.», где на первом плане стоит человек, создание условий для его всестороннего и гармоничного развития).

Фромм справедливо замечает, что становление демократии в Новое время, и особенно после Первой мировой войны, могло говорить, что цель освобождения каждого человека близка, что свобода побеждает. Но установление в первой трети XX в. авторитарных и тоталитарных режимов заставило усомниться в этом. На первых порах многие успокаивали себя мыслью, что победа тоталитарных режимов есть следствие прихода к власти небольшой группы сумасшедших. Возникла иллюзия, будто фашизм есть результат политического мошенничества и террора, а народ — его жертва. На самом деле народ сам отказался от своей свободы, отдав ее политическим вождям²⁷. «Современный человек, освобожденный от оков доиндивидуалистического общества, которое одновременно и ограничивало его, и обеспечивало ему безопасность и покой, не приобрел свободы в смысле реализации его личности, то есть реализации его интеллектуальных, эмоциональных и чувственных способностей. Свобода принесла человеку независимость и рациональность его существования, но в то же время изолировала его, пробудила в нем чувство бессилия и тревоги. Эта изоляция непреносима, и человек оказывается перед выбором: либо избавиться от свободы с помощью новой зависимости, нового подчинения, либо донести до полной реализации позитивной свободы, основанной на неповторимости и индивидуальности каждого»²⁸. С течением времени бегство от свободы только усиливается, особенно в эпоху ядерного оружия, которое лишает людей уверенности в завтрашнем дне. Главная трудность современной эпохи — значительный разрыв между архаикой

²⁴ Фромм Э. Бегство от свободы. С. 92, 93.

²⁵ См.: там же. С. 93.

²⁶ Там же. С. 13.

²⁷ См.: там же. С. 14, 15.

²⁸ Там же. С. 8.

эмоциональной сферы человека (она еще находится на уровне каменного века) и его интеллектуальным развитием. По Фромму, интеллект современного человека хотя и сильно развит, но еще не позволяет ему стать ответственным перед собой, разумно распорядиться своей свободой. Развитый интеллект не дает возможности человеку справиться с бременем свободы, он продолжает нуждаться в некоей высшей силе, в идолах и мифах. Развитый интеллект не способен эффективно бороться с иррациональными страстями (агрессией, ненавистью, завистью, жадой мести), он продолжает преклоняться перед властью, деньгами, нацией, государством. На словах отдавая должное высоким этическим идеалам, выработанным философией и мировыми религиями, современный человек выхолостил их суть, фактически превратив их в грубые суеверия и предмет идолопоклонства²⁹.

Согласно Фромму, история человечества есть процесс освобождения человека от принудительного действия инстинктов. «Под инстинктами мы понимаем специфические шаблоны деятельности, обусловленные наследственными нервными структурами, которые в чистом виде можно наблюдать только в животном мире»³⁰. Эту концепцию инстинкта нельзя смешивать с той, которая определяет инстинкты как физиологически обусловленные потребности (голод, жажда и т.п.), способы удовлетворения которых не фиксированы и не предопределены наследственностью. «Чем ниже уровень развития животного, тем в большей степени его приспособление к природе и вся его деятельность определяются механизмами инстинктивных и рефлекторных действий»³¹. Так, жизнь насекомых основана исключительно на инстинктах. Чем выше уровень развития животного, тем более гибким является его поведение и адаптационные свойства. Эта тенденция достигает своего апогея у человека. «При рождении он самое беспомощное из всех животных; его приспособление к природе основано главным образом на процессе обучения, а не на инстинктивной предопределенности»³². Инстинкты — это ослабевающая функция у высших животных, особенно у человека. Культура, т.е. собственно человеческое существование, возникает тогда, когда приспособление к природе обеспечивается не столько инстинктами, сколько творчеством. Свобода от инстинктов знаменует собой начало культуры. Биологическое несовершенство человека (в частности, его медленное взросление) обусловило появление новых адаптивных

механизмов, благодаря которым возникла цивилизация. Человек изобрел орудия труда, перешел к целеполагающей трудовой деятельности, его сознание развилось до такой степени, что он стал выделять себя среди природных объектов и осознавать себя нравственным существом³³. Вместе с тем расширение свободы имеет для человека двойственный характер: с одной стороны, свобода способствует развитию человека, возрастанию роли разума, овладению силами природы и укреплению человеческой солидарности, с другой — усиливается изоляция человека, в нем растет чувство неуверенности, бессилия и своей ничтожности, его место в мире и смысл его жизни ставится им под сомнение³⁴.

Свобода, по Фромму, определяет существование человека, а само понятие свободы меняется в зависимости от степени осознания человеком себя самого как независимого и отдельного существа. Граница свободы человека определяется связью с внешним миром. «Пока и поскольку индивид, фигурально выражаясь, не порвал пуповину, связывающую с внешним миром, он не свободен»³⁵. Социальная история человека началась с момента его выделения из природы и из социальной группы. Постепенно индивид все более ощущал себя независимым от природы и общества, что достигло своего пика в XX в. Данное явление Фромм называет процессом индивидуализации, который противоречив: человек, раздвигая рамки индивидуальной свободы, уменьшая свою зависимость от внешнего мира, продолжает сохранять узы с этим миром, дающие ему ощущение своих корней, своей безопасности. Узы, которые оказывают свое воздействие до полного обособления индивида, Фромм называет первичными. Они органичны в том смысле, что являются естественным фактором нормального развития человека. «Эти узы связывают ребенка с матерью, первобытного человека с его племенем и с природой, а средневекового — с церковью и его сословием»³⁶. Когда человек достигает полной индивидуализации, перед ним встает задача найти новые гарантии своей безопасности, что меняет и содержание свободы. Однако в каждом обществе существует свой предел индивидуализации, за который индивид выйти не может³⁷.

В историческом плане процесс индивидуализации необратим, возврат к прежним социальным формам, где личность растворялась в массе, невозможен. Современный человек, обретая свободу,

²⁹ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. С. 10, 11.

³⁰ Там же. С. 36.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ См.: там же. С. 37.

³⁴ См.: там же. С. 39.

³⁵ Там же. С. 30.

³⁶ Там же. С. 31.

³⁷ См.: там же. С. 31, 34.

воспринимает ее как бремя и пытается убежать от нее в новую зависимость, которая должна заменить ему старые узы. «Но эта новая зависимость не обеспечивает подлинного единства с миром; человек платит за новую уверенность отказом от целостности своего «Я». Между ним и новыми авторитетами остается непреодолимый разрыв; они ограничивают и калечат его жизнь, хотя на уровне сознания он может быть искренне уверен, что подчиняется им совершенно добровольно»³⁸. Однако современная культура не только не превратила человека в «атом», но, напротив, предоставила возможности стать независимой личностью³⁹.

Фромм выделяет два аспекта процесса индивидуализации: развитие личности и растущее одиночество. По мере индивидуализации мир кажется индивиду все более враждебным, что рождает чувство беззащитности и тревоги. Возникает стремление отказаться от своей индивидуальности и вновь слиться с окружающим миром. Один из способов восстановить утраченную безопасность — подчинить себя другому субъекту, что рождает чувство неполноценности, а с ним — неуверенность в себе, враждебность и мятежность. Другой способ состоит в установлении спонтанных связей с людьми и природой. Наивысшим выражением этих связей являются любовь и творческий труд, что обеспечивает полноту и целостность личности, ее развитие до максимально возможных пределов. Таким образом, растущая индивидуализация ведет либо к подчинению, либо к спонтанной активности. Проблема состоит в том, что процесс индивидуализации далеко не всегда сопровождается соответствующим ростом личности. Если процесс индивидуализации происходит автоматически, то развитие личности сдерживается рядом психологических и социальных причин. Разрыв между этими двумя тенденциями приводит к невыносимому чувству изоляции и бессилия, а это, в свою очередь, приводит в действие механизм бегства от свободы⁴⁰.

Механизмы бегства от свободы. Согласно Фромму, есть два пути, позволяющие преодолеть чувство бессилия и одиночества. Первый ведет к позитивной свободе, т.е. человек реализует свои способности, добиваясь единства с миром и людьми, не отказываясь от собственного «Я». Второй — это путь назад, т.е. отказ человека от свободы, а с ней — от самого себя. Идя по этому пути, человек впадает в невроз: создаваемая мнимая реальность хотя и ослабляет психологический дискомфорт, но не решает проблему принципиально, она загоняется

в подсознание и оттуда дает себя знать⁴¹. Механизмов бегства от свободы три: авторитаризм, разрушительность, конформизм.

Авторитаризм. По Фромму, авторитаризм состоит в стремлении личности соединить свое «Я» с какой-нибудь внешней силой и с ее помощью компенсировать отсутствие силы у себя. Иными словами, индивид ищет новые, вторичные узы взамен утраченных первичных (с родителями). Формы этого бегства — одновременное стремление к подчинению и господству, садизму и мазохизму. Данные стремления присущи как здоровым людям, так и невротикам, но у последних это приобретает крайние формы. И садистские, и мазохистские наклонности позволяют человеку избавиться от чувства одиночества и бессилия⁴².

Мазохисты страдают от чувства собственной неполноценности. Принижая себя, они отказываются от возможностей, открывающихся перед ними, проявляя зависимость от внешних сил (природы, общества и индивидов) и стремление им подчиниться. В тяжелых случаях мазохисты желают причинить себе вред. Мазохисты-невротики возводят на себя тяжелые обвинения, истязают себя принудительными ритуалами и неотвязными мыслями, склонны искать и находить у себя заболевания, которых на самом деле нет, ждут несчастных случаев с собой, восстанавливают против себя тех, кого любят, и т.п. Мазохизм часто рационализируется и выступает под маской любви или верности, принятие страданий оправдывается их неизбежностью. Мазохист стремится «избавиться от собственной личности, потерять себя; иными словами, избавиться от бремени свободы»⁴³, ищет подчинения какой-либо власти. Он страдает от конфликта между стремлением быть независимым и сильным и чувством своей незначительности и бессилия. Спасение от этого конфликта ему видится в том, чтобы обратить свою личность в ничто и не осознавать себя больше самостоятельным индивидом. Удовлетворение мазохистской потребности (например, подчинение вождю при фашистском режиме) приносит относительное облегчение, но не избавляет от внутреннего конфликта. Мазохист подчинен ложной мотивации: он действует в целях устранения не самой психологической проблемы, а ее симптомов. Боль и страдание — это не цель мазохиста, а цена, которую он неосознанно платит в надежде достичь неосознанную цель. Поскольку цель с такими средствами недостижима, ему приходится все время увеличивать свои страдания, чтобы хоть как-то заглушить душевную боль.

³⁸ Фромм Э. Бегство от свободы. С. 199.

³⁹ См.: там же. С. 199, 200.

⁴⁰ См.: там же. С. 34–36.

⁴¹ См.: там же. С. 123, 124.

⁴² См.: там же. С. 124, 133.

⁴³ Там же. С. 132.

Страдание притягивает мазохиста, но это лишь средство, цель — забыть свое «Я», раствориться во внешней силе и стать его частицей. Этой силой может быть совесть, другой человек, социальный институт, нация, Бог. Став частью данной силы, он становится причастен к ее мощи и славе, что заглушает сомнения, дает ему уверенность в себе и чувство гордости. Индивид избавляется от принятия решений и ответственности за свою судьбу, свою сущность и смысл своей жизни он видит сквозь призму того целого, в котором растворен⁴⁴.

Садизм, по Фромму, бывает трех типов. Первый состоит в стремлении поставить других людей в зависимость от себя, тем самым приобретя над ними полную власть и превратив в орудие своей воли. Второй предполагает стремление не только установить абсолютную власть над другими, но и эксплуатировать их. Третий тип садизма проявляется в желании причинять страдание другим и видеть, как они страдают. Садистские наклонности меньше осознаются и больше рационализируются, часто они скрываются под маской сверхдоброты и сверхзаботы о других (например, садист может утверждать, что он лучше другого лица знает, как удовлетворить интересы этого лица и т.д.). Садист находится в зависимости от мазохиста, так как только в этом случае он может получить удовольствие от своего садизма. Садист по-своему даже любит свою жертву, потому что ее страдания доставляют ему удовольствие⁴⁵. Сущность садизма состоит в наслаждении своим полным господством над другим человеком. Самый радикальный способ проявить свою власть — причинить человеку страдание, «ибо нет большей власти над другим человеком, чем власть причинять страдание, боль тому, кто не в состоянии себя защитить»⁴⁶. Жажда власти — наиболее существенная черта садизма. В психологическом плане жажда власти коренится не в силе, а в слабости. Садист не способен выстоять в одиночку и жить своей силой. Сила не имеет ничего общего с властью: сила — это потенция, власть есть господство. Бессилие означает не неспособность господствовать над кем-то, а неспособность индивида к самостоятельной жизни. Импотенция (если понимать ее широко, применительно к сфере социальных отношений) влечет за собой садистское стремление к господству. «Пока и поскольку индивид силен, то есть способен реализовать свои возможности на основе свободы и целостности своей личности, господство над другими ему не нужно, и он не стремится к власти. Власть — это извращение силы, точно так же как сексуальный садизм — извращение половой любви»⁴⁷.

Согласно Фромму, садизм и мазохизм связаны в единое целое, оба они нуждаются друг в друге. В обоих случаях собственное «Я» исчезает: мазохист растворяется во внешней силе, личность садиста разрастается за счет включения в себя подвластного ему человека, давая ему уверенность и силу, которой у него до этого не было. Садизм и мазохизм не только связаны, но и перемешаны между собой, так как в их основе лежит одна потребность — уйти от одиночества собственного «Я». В человеке одновременно присутствуют оба начала — мазохистское и садистское, но есть люди с преобладанием либо одного, либо другого начала. В отношении этой группы людей и можно говорить об их садомазохистском характере. Характер (данное понятие Фромм берет у Фрейда) — это совокупность доминантных побуждений, мотивирующих поведение индивида. Для огромной части низов среднего класса Германии и других европейских стран садомазохистский характер (Фромм называет его еще авторитарным) является типичным. В людях с этим типом характера и нашла отклик идеология нацизма. Человек с авторитарным характером восхищается властью и хочет подчиняться, но в то же время он хочет сам быть властью. У авторитарной личности сила вызывает любовь и готовность подчиняться независимо от того, кто ее проявил. Сила привлекает ее не ради тех ценностей, которые за нею стоят, а сама по себе, потому что она — сила. Бессильные люди, напротив, вызывают у авторитарной личности презрение, при виде их у него возникает желание напасть, подавить, унижить. Садомазохист ощущает тем большую ярость, чем беспомощнее ее жертва⁴⁸.

Садомазохист, рассуждает Фромм, любит ограничение свободы, он с удовольствием подчиняется судьбе, под которой понимается внешняя сила (приказ начальника, экономические законы, совесть, долг, воля Господня и т.п.). Авторитарная личность преклоняется перед прошлым, она всегда сторонник традиции и враг нового, творчества. Авторитарная личность убеждена, что жизнь определяется внешними силами, единственно возможное счастье состоит в подчинении этим силам. Активность садомазохиста основана на чувстве бессилия, которое он пытается преодолеть. Он действует во имя чего-то, что имеет силу (Бог, долг, природа). Недостаток силы является для него признаком вины и неполноценности; «если власть, в которую он верит, проявляет признак слабости, то его любовь и уважение превращаются в презрение и ненависть»⁴⁹. Садомазохист атакует установившуюся власть только в случае, если отдаст себя в рабство другой, более сильной власти. Мужество

⁴⁴ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. С. 126, 127, 133–136.

⁴⁵ См.: там же. С. 126–128.

⁴⁶ Там же. С. 136.

⁴⁷ Там же. С. 140.

⁴⁸ См.: там же. С. 137, 138, 141, 142, 145.

⁴⁹ Там же. С. 148.

авторитарной личности состоит в том, чтобы страдать за силу, рабом которой он является. Для него высшая добродетель — безропотное страдание, подчинение судьбе. Садомазохист верит власти, пока она сильна и может повелевать. Его вера строится на крайнем отчаянии, на полном отсутствии веры, поэтому отличается релятивностью и нигилизмом. Малейшее ослабление власти влечет за собой разрушение веры в нее⁵⁰.

Для садомазохиста, продолжает Фромм, отсутствует понятие равенства, поскольку он делит людей на имеющих силу и власть (высших) и не имеющих (низших). Садомазохист способен либо к господству, либо к подчинению. Любые различия (например, пола или расы) он воспринимает как признак превосходства или неполноценности. Садомазохист связывает свое благополучие и реализацию своих ожиданий с наличием некоего «волшебного помощника», который персонифицируется, например, в человеке, обладающем властью. Рано или поздно наступает разочарование, поскольку тот не оправдал его надежд. «Это разочарование накладывается на возмущение, вытекающее из поработченности, и ведет к новым конфликтам. Иногда они прекращаются лишь с разрывом; затем обычно следует выбор другого объекта, от которого вновь ожидается исполнение всех надежд»⁵¹. Садомазохист не понимает, что крах его надежд обусловлен не ошибкой в выборе «волшебного помощника», а собственным стремлением добиться своих целей путем манипуляции с «волшебными» силами. Иными словами, садомазохист демонстрирует свою зависимость от внешнего объекта. Садомазохизм есть способ выхода из невроза, который образуется в результате борьбы индивида за свою свободу и независимость. Садомазохист — это т.н. нормальный человек, который завершил данную борьбу полной капитуляцией, подчинив свою личность внешней силе⁵². «Функцию авторитарной идеологии и практики можно сравнить с функцией невротических симптомов. Эти симптомы происходят из невыносимых психологических условий и в то же время предлагают какое-то решение, делающее жизнь терпимой. Но они не дают решения, ведущего к счастью и развитию личности. Они не изменяют условий, приводящих к невротическому решению»⁵³.

Разрушительность. Разрушительность, утверждает Фромм, проявляется в стремлении уничтожить внешний объект. Ее корни — бессилие и изоляция индивида. Индивид рассчитывает

избавиться от одиночества и бессилия, разрушая внешний мир. В разрушении мира ему видится возможность не дать миру разрушить его самого. Если цель садизма — поглощение объекта, то цель разрушительности — его ликвидация. Разрушительность есть средство избавления от невыносимого чувства бессилия. Кроме того, чувство изолированности и бессилия порождают два других источника разрушительности: тревогу и скованность. Любая угроза рождает тревогу, и естественной реакцией на нее является разрушить эту угрозу. Если угроза связана с людьми, то они становятся целью разрушительности⁵⁴.

По Фромму, уровень разрушительности у разных индивидов, социальных групп и народов различен. Так, у социальных низов этот уровень выше, чем у высших классов. В эпоху Реформации и позднее средний класс выражал свою враждебность под маской морального негодования, которое рационализировало жгучую ненависть к высшим классам, имевшим возможность наслаждаться жизнью. Стремление к жизни, к самореализации, делает вывод Фромм, обратно пропорционально потребности разрушать: чем полнее реализуется жизнь индивида, тем меньше у него потребности разрушать, и наоборот. Чувства изоляции и бессилия — следствие недостаточной реализации индивидом своих эмоциональных и интеллектуальных возможностей, ему не хватает уверенности и спонтанности, что выступает условием такой реализации. Внутренняя блокада усиливается запретами, исходящими от общества. Разрушительность есть результат непржитой жизни⁵⁵.

Автоматизирующий конформизм. При этом способе бегства от свободы индивид перестает быть самим собой, «он полностью усваивает тип личности, предлагаемый ему общепринятым шаблоном, и становится точно таким же, как все остальные, и таким, каким они хотят его видеть. Исчезает различие между собственным “Я” и окружающим миром, а вместе с тем и осознанный страх перед одиночеством и бессилием»⁵⁶. Этот механизм сравним с мимикрией, существующей в животном мире. Большинство людей испытывает иллюзию, будто у них есть собственные мысли, чувства и желания, тогда как на самом деле все это формируется обществом, которое и превращает людей в автоматы. Мысли и чувства обусловлены социальной средой, но субъективно воспринимаются как собственные. Отказавшись от собственного «Я» и превратившись в робота, похожего на миллионы других таких же роботов, человек перестает ощущать

⁵⁰ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. С. 146–149.

⁵¹ Там же. С. 152.

⁵² См.: там же. С. 149, 152, 153.

⁵³ Там же. С. 200.

⁵⁴ См.: там же. С. 153–155.

⁵⁵ См.: там же. С. 155–158.

⁵⁶ Там же. С. 159.

одиночество и тревогу, но платит за это утратой своей личности. «Утрата собственной личности и ее замещение псевдоличностью ставят индивида в крайне неустойчивое положение. Превратившись в отражение чужих ожиданий, он в значительной степени теряет самого себя, а вместе с тем и уверенность в себе. Чтобы преодолеть панику, к которой приводит эта потеря собственного “Я”, он вынужден приспосабливаться дальше, добывать себе “Я” из непрерывного признания и одобрения других людей. Пусть он сам не знает, кто он, но хотя бы другие будут знать, если он будет вести себя так, как им нужно; а если будут знать они, узнает и он, стоит только поверить им»⁵⁷. Автоматизация индивида усугубила беспомощность и неуверенность среднего человека современного общества, поэтому он готов подчиниться новой власти, предлагающей ему уверенность и избавление от сомнений⁵⁸.

Психология национал-социализма. Согласно Фромму, нацизм — это психологический феномен, но он может быть понят лишь при учете социально-экономических и политических факторов. В своем отношении к нацизму, рассуждает он, население Германии поделилось на две группы. Одна приняла нацизм без восторга, склонившись перед режимом, другая была им воодушевлена. Первая группа состояла в основном из рабочих и либеральной буржуазии. Версальский договор воспринимался большинством немцев как несправедливость, но рабочий класс относился к нему много спокойнее, чем средний класс. Поражение в войне означало для рабочих поражение режима, с которым они боролись, и надежды на улучшение своего положения. Низы среднего класса (мелкие лавочники, ремесленники, служащие), напротив, выражали наиболее яростное негодование против договора, они восторженно приняли нацизм и стали основой его формирования. В этой второй группе населения люди старшего поколения составили пассивный слой, а их дети стали активными борцами. «Националистические страсти были рационализацией, переводившей чувство социальной неполноценности в чувство неполноценности национальной»⁵⁹. Показательным примером в этом отношении стал Гитлер — выходец из нижнего слоя среднего класса. В конечном счете огромное большинство немецкого народа «было охвачено чувством собственной ничтожности и бессилия». Даже рабочие к 1930 г. потеряли веру в эффективность политической борьбы, став апатичными. После прихода Гитлера к власти, утверждает Фромм, его стали отождествлять с Германией, а потому борьба с режимом стала восприниматься

как борьба с Германией. Для среднего человека это означало самоисключение из сообщества всех немцев, что было психологически невыносимо. «Гражданин Германии, как ни был он чужд принципам нацизма, должен был выбирать между одиночеством и чувством единства с Германией, и большинство выбрало единство»⁶⁰. Любые нападки на Германию, любая пропаганда, порочащая немцев, только усиливали лояльность колеблющихся⁶¹.

По Фромму, ответ о притягательности нацизма для низов среднего класса следует искать в его социальном характере, который он определил как садомазохистский. Черты этого социального характера видны на протяжении всей истории этой части среднего класса: любовь к сильному и ненависть к слабому, ограниченность, враждебность, скупость в чувствах и деньгах, аскетизм. «Эти люди всегда отличались скупостью взглядов, подозрительностью и ненавистью к незнакомцу, а знакомый всегда вызывал у них завистливое любопытство, причем зависть всегда рационализировалась как презрительное негодование; вся их жизнь была основана на скудости — не только в экономическом, но и в психологическом смысле»⁶². Социальный характер низших слоев среднего класса был таким же задолго до войны 1914 г., но послевоенные события усилили его черты, особенно стремление к подчинению и жажда власти. До войны экономическое положение низшей части среднего класса было еще достаточно прочным, чтобы дать ему чувство довольства собой; авторитеты были еще достаточно сильны, чтобы обеспечить ему дополнительную уверенность, если не хватало собственной. Непререкаемый авторитет монархии, религии и традиционной морали позволяли индивиду ощущать свою принадлежность к устойчивой системе, где у него было собственное место. Свои садомазохистские наклонности представители этого класса удовлетворяли существующими авторитетами. Экономический кризис 20-х — начала 30-х годов разорил средний класс, а падение монархии и ослабление государства лишило его уверенности в себе. Инфляция нанесла смертельный удар принципу бережливости (поскольку сбережения невозможно сохранить) и престижу государства (так как оно не способно гарантировать свои обязательства). Разорение подорвало социальный престиж мелкой буржуазии, а престиж рабочего класса в результате революции, напротив, поднялся. Ценность семьи, так высоко ценимой средним классом, также девальвировалась: авторитет отца упал, а вся мораль среднего класса стала отвергаться молодежью. Крушение монархии и государства

⁵⁷ Фромм Э. Бегство от свободы. С. 173.

⁵⁸ См.: там же. С. 159, 173.

⁵⁹ Там же. С. 183.

⁶⁰ Там же. С. 177.

⁶¹ См.: там же. С. 176—178.

⁶² Там же. С. 179.

разрушило авторитет, к которому апеллировали родители, а их разорение уничтожило возможность обеспечить будущее своих детей. В результате молодежь почувствовала свое превосходство над родителями и ощутила себя свободной. Молодежь, лишившись бывших авторитетов и социальных гарантий, стремилась к действию. Молодые офицеры, вернувшиеся с войны и привыкшие к власти, также не были готовы мириться со своей участью стать мелкими служащими или коммивояжерами. Средний класс воспринял личную фрустрацию как фрустрацию всех немцев. Нацизм сделал сотни тысяч мелких буржуа частью нацистской бюрократии, получивших власть, богатство и престиж⁶³. «Другие, не вошедшие в нацистский аппарат, получили работу, отнятую у евреев и политических противников, а остальные — хотя у них не прибавилось хлеба — приобрели “зрелища”. Они получили эмоциональное удовлетворение от этих садистских спектаклей и от идеологии, наполнившей их чувством превосходства над остальным человечеством»⁶⁴. Гитлер, заключает Фромм, оказался столь эффективным орудием потому, что в нем сочетались черты возмущенного и озлобленного мелко буржуа и защитника интересов германских промышленников и юнкеров.

Чтобы ярче высветить садомазохизм национал-социализма, Фромм дает детальные психоаналитические портреты Гитлера и Гиммлера, опираясь на ряд биографических работ⁶⁵. Он заявляет, что пытался рассмотреть эти фигуры объективно, но вряд ли ему это удалось, учитывая его ненависть к ним. Здесь следует отметить, что существенный недостаток такого рода портретов (а их огромное множество) состоит в том, что известные факты подстраиваются под господствующие оценки исторических фигур. За отправную точку берется результат деятельности исторического персонажа, рассмотренный в контексте той или иной ценностной шкалы, а психоанализ должен обосновать мотивы его поведения. Фромму было очевидно, что Гитлер и Гиммлер — воплощенное зло, что следовало доказать средствами психоанализа. Понятно, что выводы были в решающей степени предопределены.

Согласно Фромму, идеология национал-социализма выросла из свойств личности Гитлера (чувство неполноценности, ненависть к жизни, аскетизм и зависть к тем, кто живет полной жизнью) и нашла своих сторонников с такой же

психологией. Низы среднего класса были удовлетворены не только нацистской идеологией, практика нацизма также отвечала их характеру. Была создана иерархия, отвечавшая психологии садомазохистов, т.е. возможность лица осуществлять власть над кем-то и кому-то подчиняться⁶⁶.

Для Фромма Гитлер — некрофил, сочетающий в себе крайние формы агрессии, садизма, мазохизма и нарциссизма. Фромм рассматривает некрофилию предельно широко — как любовь к смерти, ко всему неживому, что непосредственно сопрягается со страстью к разрушению, поскольку разрушение — верный способ умертвить живое. Уже в детстве, полагает он, в характере Гитлера имели место элементы некрофилии, которые затем под воздействием обстановки переросли в некрофильский характер. Благодаря ряду обстоятельств некрофилия стала единственным способом развития личности Гитлера. У Гитлера были типичные некрофильские установки: страх перед грязью, любой инфекцией (особенно сифилисом и туберкулезом) и перед евреями, которые также представлялись ему чем-то нечистым. Гитлер ненавидел не только евреев, он ненавидел немцев, человечество и саму жизнь. По Фромму, самое сильное влияние на ребенка оказывает не то или иное событие, а характер родителей. Но, рассуждает он, отец и мать Гитлера были людьми положительными, благоразумными и неdestructивными, а потому некрофилию Гитлера следует искать в его собственной природе, а именно в его стремлении к инцесту с матерью. В данном случае Фромм использует идею Фрейда о том, что стремление к инцесту есть желание вернуться в утробу матери, т.е. в состояние небытия. Иными словами, инцест, по Фрейду, есть проявление инстинкта смерти. С течением времени, продолжает Фромм, главным символом матери становится для Гитлера Германия. Его заикленность на матери (Германии) обусловила, с одной стороны, его ненависть к «отраве» (евреям и сифилису), от которой он должен был ее спасти, с другой — вытесненное в подсознание желание разрушить мать (Германию). Гитлер доказал некрофильскую установку своим стремлением вести войну до конца, хотя уже с 1942 г. было ясно, что война будет проиграна. Гитлер никогда не был привязан к своей матери. «Она была для него символом богини-хранительницы, достойной восхищения, но также богиней хаоса и смерти. Одновременно она была объектом его садистской жажды власти и господства, которая переходила в бешенство, если он хоть в чем-то встречал отказ»⁶⁷. Отношение к матери полностью проецировалось на отношение

⁶³ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. С. 179–182.

⁶⁴ Там же. С. 186.

⁶⁵ См.: Kubizek A. Adolf Hitler, mein Jugendfreund. Graz, 1953; Maser W. Adolf Hitler. Legende, Methos, Wirklichkeit. München, 1971; Smith B.F. Adolf Hitler, His Family, Childhood and Youth. Stanford, 1967.

⁶⁶ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. С. 198, 199.

⁶⁷ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 327.

Гитлера к Германии. Некрофилия проявлялась во всепоглощающей страсти Гитлера к разрушению. На бессознательном уровне Гитлер всегда стремился к разрушению, в этом смысле он никогда по-настоящему не верил в свою победу, так как после победы предполагалась созидательная деятельность, что было органически чуждо его природе⁶⁸. Гитлер «играл жизнями всех немцев, играл и со своей собственной жизнью. Когда все было потеряно и он проиграл, у него не было особых причин сожалеть о случившемся. Он получил то, к чему всегда стремился: власть и удовлетворение своей ненависти и своей страсти к разрушению. Этого удовольствия он не лишился в связи с поражением. Маньяк и разрушитель не проиграл»⁶⁹.

Гитлер, по Фромму, — типичный садомазохист, в его характере есть две тенденции, свойственные авторитарной личности: жажда власти над людьми и потребность в подчинении подавляющей внешней силе. Для Гитлера инстинкт самосохранения идентичен стремлению к власти, он заявляет, что у арийца этот инстинкт принял благородную форму подчинения себя и своей жизни обществу. По Гитлеру, природа — великая сила, которой мы должны подчиняться, а вот над живыми существами следует господствовать. Свои действия Гитлер считал подчинением высшей силе, провидению, биологическим законам. Садизм и некрофилия видны в одной сказанной им фразе: «Все, чего они (массы) хотят, это чтобы победил сильный, а слабый был уничтожен или безжалостно подавлен»⁷⁰. «В “Майн кампф” Гитлер неоднократно демонстрирует свое садистское стремление к власти. Оно характерно и для его отношения к немецкому народу, который он презирает и “любит” типично по-садистски, и для его отношения к политическим противникам, против которых направлены его разрушительные наклонности, составляющие существенную долю его садизма. Вот что он пишет об удовлетворении, которое доставляет массам господство: “Чего они хотят — это победа сильного и уничтожение или безоговорочная капитуляция слабого”. “Как женщина, которая предпочтет подчиниться сильному мужчине, а не господствовать над слабосильным, так же и массы любят повелителя больше, чем просителя, и внутренне их гораздо больше удовлетворяет доктрина, не допускающая никакого соперника, чем благодеяния либеральной свободы; часто они не знают, что делать с этой свободой, и чувствуют себя покинутыми. Они не осознают ни наглости, с которой их духовно терроризируют, ни оскорбительного ограничения их человеческих свобод, потому что им

никогда не приходит в голову, как их обманывает эта доктрина”»⁷¹. Массы в Германии, по Фромму, также желали садистского удовлетворения, что выразилось в подавлении расовых и политических меньшинств⁷².

«Презрение Гитлера к слабым становится особенно очевидным, когда он говорит о людях, чьи политические цели — борьба за национальное освобождение — аналогичны целям, которые провозглашает он сам»⁷³. Любовь к сильным и ненависть к слабым, типичная для садомазохиста, объясняют множество политических актов Гитлера. Садомазохистская идеология отражает и отношение индивида к массе: индивид — ничто, он должен признать свою ничтожность, раствориться в нации и государстве и ощущать от этого гордость. Гитлеру нужен строй, где человеку было бы недоступно личное счастье, где можно эксплуатировать бедность масс и заставить их верить в необходимость самопожертвования. Проповедь самопожертвования нацелена на реализацию стремления вождя к власти⁷⁴.

Садизм Гитлера, сообщает Фромм, проявился также в подавлении воли масс силой пропаганды. Он приводит точку зрения Гитлера, согласно которой физическая усталость его аудитории — наиболее желательное условие, способствующее их внушаемости. Гитлер прекрасно понимал психологию массовых митингов, где человек, придя из своего бытового мирка, начинает ощущать силу единства тысяч людей, пришедших на митинг и подвергающихся массовому внушению. Геббельс также хорошо понимал садомазохистскую связь масс и ее вождей⁷⁵. «Он точно описывает зависимость садиста от его объекта: каким слабым и опустошенным он чувствует себя, если не имеет власти над кем-либо, и как эта власть дает ему новую силу»⁷⁶.

Можно предположить, отмечает Фромм, что некрофил и садист Гитлер был сексуальным извращенцем. С женщинами, которые в социальном плане стояли ниже его, у него были анально-садистские отношения, с теми, кто был выше, — мазохистские. Гитлеру по-настоящему нравились мазохистские отношения с женщинами. Фромм приводит рассказ известной немецкой киноактрисы Ренаты Мюллер, которую пригласил к себе Гитлер (он уже был канцлером) и потребовал бить его, отчего пришел в состояние экстаза. Вскоре после

⁷¹ Фромм Э. Бегство от свободы. С. 187.

⁷² См.: там же. С. 189, 198.

⁷³ Там же. С. 193.

⁷⁴ См.: там же. С. 195, 197.

⁷⁵ См.: там же. С. 187, 188.

⁷⁶ Там же. С. 188.

⁶⁸ См.: там же. С. 321, 323, 326, 345, 346, 350, 370, 371.

⁶⁹ Там же. С. 371.

⁷⁰ Там же. С. 350.

этого актриса покончила с собой⁷⁷. «Примечательно, что многие женщины, бывшие в близких отношениях с Гитлером, покончили или пытались покончить жизнь самоубийством: Гели Раубаль, Ева Браун (дважды), Рената Мюллер, Юнити Митфорд и еще несколько более сомнительных случаев, о которых упоминает Мазер. Похоже, что деструктивность Гитлера имела отношение к этим самоубийствам»⁷⁸.

По Фромму, некрофилия и деструктивность Гитлера всегда принимала форму рационализации. Всякое разрушение, которое производилось по его приказу, также имело рациональное объяснение: «все это делалось во имя спасения, процветания и триумфа немецкого народа и с целью защиты его от врагов — евреев, русских, а затем англичан и американцев... Он упорно вытеснял из своего сознания собственное стремление к разрушению, избегая таким образом необходимости глядеть в лицо подлинным мотивам своих действий»⁷⁹. У Гитлера наблюдался еще один способ вытеснения деструктивности — реактивное образование. Так, он, видимо, считал себя виновным в самоубийстве его племянницы (он сделал ее своей любовницей), что выразилось в наложении на себя своеобразного обета — быть вегетарианцем. Этим же объясняется его нелюбовь к охоте. Он никогда не присутствовал при убийствах или казнях, не мог выносить вида мертвых и раненых солдат. Эта фобия была защитной реакцией на страсть к разрушению. «В конце жизни, предчувствуя наступление своего последнего поражения, Гитлер уже более не мог подавлять страсть к разрушению. Это ярко проявилось в его реакции на зрелище мертвых тел руководителей неудавшегося заговора генералов в июле 1944 г. Человек, который еще недавно не мог выносить вида трупов, теперь распорядился, чтобы ему показали фильм о пытках и казнях генералов, где были засняты их тела в тюремной одежде, висающие на крюках с мясокомбината. Фотографию этой сцены он поставил на свой письменный стол»⁸⁰.

Гитлер рационализирует свою жажду власти. «Основные оправдания таковы: его господство над другими народами преследует их собственные интересы и интересы мировой культуры; стремление к власти коренится в вечных законах природы, а он признает лишь эти законы и следует им; сам он действует по велению высшей власти — Бога, Судьбы, Истории, Природы; его стремление к господству — это лишь защита от стремления других к господству

над ним и над немецким народом. Он хочет только мира и свободы»⁸¹. За негодованием Гитлера по поводу несправедливости Версальского договора также стояла жажда власти и завоеваний⁸².

Гитлер рационализирует также свой садизм. Во-первых, немецкий народ призван историей с помощью войны стать повелителем мира ради торжества высшей культуры. Во-вторых, стремление к власти обусловлено законами природы и выражается в инстинкте самосохранения. Отождествление инстинкта самосохранения с властью над другими находит выражение в гипотезе Гитлера, что первая человеческая цивилизация была основана не на приручении животных, а на использовании «низших людей». Гитлер переносит свой садизм на природу, заявляя, что ее закон самосохранения «связан с железным законом необходимости, по которому лучший и сильнейший в этом мире имеет право на победу»⁸³. Теория Ч. Дарвина, по Фромму, не несет в себе садизм, но Гитлер вкладывает в нее именно этот смысл. В-третьих, Гитлер защищается от нападения от других: «Он сам и немецкий народ всегда невинны, а их враги — звери и садисты»⁸⁴. Обвинения других народов «имеют функцию защиты от разоблачения собственного садизма». Гитлер обвиняет евреев, коммунистов и французов в тех вещах, которые провозглашает законными целями собственных действий⁸⁵.

Гитлер, как полагает Фромм, — ярко выраженный нарцисс, считающийся только с собой, для которого мир фантазий есть подлинная реальность. Гитлер интересовался только собой, своими мыслями и желаниями. Мир был для него реальным лишь в той мере, в какой являлся объектом его замыслов. Люди для него что-нибудь значили, только если и пока ему служили, ему было присуще абсолютное отсутствие способности любить и сопереживать. В своих суждениях Гитлер опирался не на анализ и знание, а на эмоции. Факты ему замещала идеология, поскольку она отражала его фантазии и удовлетворяла эмоционально. Нарциссизм Гитлера проявился уже в юности и молодости, когда он демонстрировал склонность к безделью и страх перед любым трудом, неспособность к систематической работе, он делал только то, что давалось ему легко. Это было одним из факторов, вследствие которых он все более отрывался от действительности⁸⁶.

⁸¹ Фромм Э. Бегство от свободы. С. 190.

⁸² См.: там же. С. 65.

⁸³ Там же. С. 191.

⁸⁴ Там же. С. 192.

⁸⁵ См.: там же.

⁸⁶ См.: Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. С. 330, 331, 350.

⁷⁷ См.: Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. С. 352–355.

⁷⁸ Там же. С. 355.

⁷⁹ Там же. С. 348.

⁸⁰ Там же. С. 349.

Из предложенной Фроммом характеристики напрашивается вывод: Гитлер — зверь, место которому в психиатрической больнице с надежной и строгой охраной. Если это так, то встает вопрос: как Гитлер смог прийти к власти и стать властелином Европы? Фромм понимает это и, стремясь к объективности, заявляет, что Гитлер был выдающимся политиком и демагогом, но не был сумасшедшим, хотя и имел ряд патологических черт. Находясь на вершине власти, он не выглядел психопатом, даже в свои последние дни владел собой. С клинической точки зрения Гитлер не был безумцем, но с точки зрения человеческих отношений здоровым его не назовешь. Фромм признавал, что потенциального фюрера, садиста и некрофила трудно распознать: «Деструктивная личность демонстрирует миру добродетель: вежливость, предусмотрительность, любовь к семье, любовь к детям, любовь к животным»⁸⁷. Так, Гитлер хорошо умел играть роль дружелюбного, чуткого человека. В этом признании Фромма видна слабость психоанализа, который может составить портрет человека лишь задним числом, по результатам его деятельности, давать точный прогноз психического развития личности он не способен.

Психоаналитический портрет Гиммлера, составленный Фроммом, — это также образ не душевнобольного, а морального уродца, имевшего серьезную психопатологию. Согласно Фромму, Гиммлер — классический случай анального (накопительного) садомазохистского характера, основные черты которого — супераккуратность и чрезмерный педантизм. Поскольку предпосылки для садистского развития наблюдаются уже в детстве, Гиммлер имел садистический характер еще до того, как стал рейхсфюрером. Главный патологический фактор формирования личности Гиммлера — удушливая и замкнутая атмосфера его семьи, где не было искренности и добра, но царила атмосфера законопослушания, педантизма, показного патриотизма и карьеристских устремлений. Семья Гиммлеров принадлежала к самой нижней ступени кайзеровской системы и страдала от ненависти к богатым и вышестоящим, своего бессилия, бесперспективности подняться по социальной лестнице и безотрадности. Чем больше социальная ситуация в Германии разрушала статус его класса, тем сильнее росли в нем озлобление и карьеризм. У Гиммлера сформировался комплекс социальной неполноценности, связанный с тем, что его отец, будучи профессором гимназии, стоял на нижней ступени монархической иерархии. Его зависть к дворянству компенсировалась карьерой в нацистской Германии: став главой СС, он выступил

своеобразным предводителем нового немецкого дворянства⁸⁸.

По Фромму, Гиммлер, человек в духовном и психологическом отношении слабый, долго находился под влиянием сильного отца и в зависимости от матери, что тормозило его развитие. Потребность в сильном отце основывалась на собственной беспомощности, он слишком долго был ребенком, не хотел становиться мужчиной и нуждался в материнской любви. Отсюда — поиск сильного лидера, который дал бы ему ощущение уверенности в себе, поскольку близость к фюреру компенсировала ему недостающие личные качества. Власть и жестокость должны были заменить Гиммлеру силу, волю, активность, но эта попытка была обречена, так как слабак не может стать сильным с помощью жестокости⁸⁹.

Гиммлер, утверждает Фромм, был безвольным человеком, что он компенсировал подчинением себе других людей. Благодаря своей педантичности и любви к порядку Гиммлер приобрел некоторое чувство уверенности. Он завидовал тем, кто от рождения был наделен силой, волей и уверенностью в себе. Гиммлер был абсолютным приспособленцем, даже своими садистскими страстями он управлял, исходя из своей выгоды. Он был бесчестным и неверным, вечно лгал, даже самому себе, проповедовал силу и мужество, а сам был слабым и трусливым. Гиммлер должен был достигнуть абсолютной власти, чтобы преодолеть в себе чувство слабости и тотальной жизненной импотенции. Он кончил жизнь самоубийством, поскольку решил, что лучше умереть, чем вернуться в положение человека без власти, т.е. снова стать слабым. Гиммлер подчинялся не потому, что какой-то человек внушал ему ужас, а потому, что в нем самом сидел страх, но не перед авторитетом, а перед жизнью, что рождало в нем потребность подчинения. Если Гитлер был бунтарем, то у Гиммлера была потребность в подчинении. Ему нужна была могущественная фигура Гитлера для компенсации собственной слабости. Для Гиммлера Гитлер был человекобогом, носителем души мирового германского духа, миссия которого победить Восток и спасти арийскую расу. Национал-социалисты, к которым примкнул Гиммлер в ранней молодости, внушали ему силу, достойную подчинения. Свою потребность в подчинении он перенес с отца на национал-социалистов⁹⁰. «Гиммлер дает прекрасный пример противоречия между образом и сущностью многих политических лидеров. Это пример бессовестного садиста и труса, выступающего в облики доброго, лояльного и мужественного человека»⁹¹.

⁸⁸ См.: там же. С. 262, 267, 278, 280.

⁸⁹ См.: там же. С. 264.

⁹⁰ См.: там же. С. 263, 264, 267, 277, 278.

⁸⁷ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. С. 372.

В другое время, замечает Фромм, Гиммлер со своими садистическими наклонностями и ограниченными способностями нашел бы место где-нибудь в бюрократической структуре (учитель, почтовый служащий, чиновник), достигнув довольно высокого положения (но не ключевых высот, поскольку не имел подлинной творческой фантазии и здравого смысла для принятия решений)⁹². «Среди нас живут тысячи гиммлеров. С социальной точки зрения в обычной жизни они не приносят большого вреда... Но когда силы разрушения и ненависти грозят поглотить все общество, такие люди становятся особенно опасными. Ведь они всегда готовы быть для правительства орудием ужаса, пыток и убийств»⁹³. В данном случае Фромм проводит глубокую мысль о том, что психическая патология имманентно присуща всем индивидам в большей или меньшей степени, она слабо себя проявляет при относительно нормальной жизни общества и приобретает радикальные формы в условиях социальных катаклизмов. Заслуга психоанализа состоит, в частности, в умении распознать психопатологию, казалось бы, во внешне обычных людях и привычной для обывателя обстановке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Три интервью К.Г. Юнга (1933, 1938, 1945) // *Одайн-ник В.* Психология политики. Политические и социальные взгляды К.Г. Юнга. СПб., 1996. С. 361.
2. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 262–264, 267, 277–280, 321, 323, 326, 327, 330, 331, 345, 346, 348–350, 352–355, 370–372.

Сведения об авторе

ЖУКОВ Вячеслав Николаевич — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, эксперт РАН, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус); главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

3. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1989. С. 8, 10, 11, 13–18, 30, 31, 34–37, 39–41, 44, 45, 47–51, 59, 62, 65, 68–71, 73, 74, 76, 78–90, 92, 93, 123, 124, 126–128, 132–138, 140–142, 146–149, 152–159, 173, 176–183, 186–193, 195, 197–200.
4. *Фромм Э.* Из плена иллюзий // *Фромм Э.* Душа человека. М., 1992. С. 305, 306.
5. *Kubizek A.* Adolf Hitler, mein Jugendfreund. Graz, 1953.
6. *Maser W.* Adolf Hitler. Legende, Methos, Wirklichkeit. München, 1971.
7. *Smith B.F.* Adolf Hitler, His Family, Childhood and Youth. Stanford, 1967.

REFERENCES

1. Three interviews of K.G. Jung (1933, 1938, 1945) // *Odaynik V.* Psychology of politics. Political and social views of K.G. Jung. SPb., 1996. P. 361 (in Russ.).
2. *Fromm E.* Anatomy of human destructiveness. M., 1994. P. 262–264, 267, 277–280, 321, 323, 326, 327, 330, 331, 345, 346, 348–350, 352–355, 370–372 (in Russ.).
3. *Fromm E.* Flight from freedom. M., 1989. P. 8, 10, 11, 13–18, 30, 31, 34–37, 39–41, 44, 45, 47–51, 59, 62, 65, 68–71, 73, 74, 76, 78–90, 92, 93, 123, 124, 126–128, 132–138, 140–142, 146–149, 152–159, 173, 176–183, 186–193, 195, 197–200 (in Russ.).
4. *Fromm E.* From the captivity of illusions // *Fromm E.* The soul of man. M., 1992. P. 305, 306 (in Russ.).
5. *Kubizek A.* Adolf Hitler, mein Jugendfreund. Graz, 1953.
6. *Maser W.* Adolf Hitler. Legende, Methos, Wirklichkeit. München, 1971.
7. *Smith B.F.* Adolf Hitler, His Family, Childhood and Youth. Stanford, 1967.

Authors' information

ZHUKOV Vyacheslav N. — Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, RAS expert, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law at Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia; chief researcher, Sector of Philosophy of Law, History and Theory of the State and Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

⁹¹ *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. С. 278.

⁹² См.: там же. С. 278.

⁹³ Там же. С. 279.